

ТАТЬЯНА КОМЫЛИНА

Родилась в 1963 году в Таре. Победитель и лауреат городских, областных и международных литературных и драматических конкурсов. Публиковалась в периодических изданиях, сборниках и антологиях, в литературно-краеведческом альманахе «Гаряне».

Член Гильдии драматургов России.

БЕЛОСНЕЖНАЯ МЕЧТА

Монопьеса

Женские роли – 1,
мужские – нет,
детские – нет,
другие (животные, предметы и т. п.) – нет,
массовка – нет.

Оригинальный язык произведения: русский; период написания: XXI век, август, 2017 год.

Действующие лица:

Арина, 17 лет

Два пространства сцены

Картина 1

Первое пространство сцены

Кабинет врача. Вешалка, на которой висит белый халат. Стол, стул, телефонный аппарат. Посередине сцены, на границе двух пространств, стоит диван. Покрывало (плед) наполовину белое, наполовину красного цвета.

Входит Арина. Устало опускается на диван со стороны первого пространства сцены, протягивает ноги, снимает туфли на каблуках.

Арина (*в руке у неё белый лист с коротким текстом. Она кладёт его рядом на диван*). Доигралась? А как ты хотела, голубушка? За всё надо платить. И за талант тоже. (*Потягивается.*) Талант... талант... ох, и свалился же ты на мою голову. Нет, почему же свалился? Разве я этого не хотела? Вот чего я действительно не хотела, так вот этого. (*Голосом директора.*) «Милочка,

я всё понимаю». Причём так поганно было сказано это «ми-лоч-ка». «Милочка, я всё понимаю. И что вы ещё очень молоды, но достаточно талантливый...» (*Прерывается.*) Вот сам ведь признаёт, что талантливый! (*Продолжает.*) «...и что вы с отличием окончили институт и себя уже хорошо рекомендовали как врач, и даже то, что у вас большое воображение, и что вам, в силу вашей молодости, хочется ещё поиграть... Но вы же, в конце концов, должны понимать, где вы находитесь. Это ведь больница, а не какой-то там... театришко». Хм! Театришко! И подобрал же словечко. Театришко! Да уж! (*Достаёт из кармана зеркальце, смотрит в него.*)

Улыбаетесь? Арина Алексеевна, ну как вам не совестно? Взрослая девушка... М-м-да! (*Убирает зеркальце.*) Ну вот что со мной делать? Вот такая я!

Поёт на мотив романса:

Свою судьбу сама я нарисую...
И проживу всё так, как суждено.
Придётся вам терпеть меня такую,
Ведь я другой не стану всё равно.

(*Разворачивает лист, читает.*) Так... И что тут у нас? «За нарушение дисциплинарной этики...» Странно. Про профессиональную этику слышана, а вот дисциплинарную встречаю впервые... «Врачу Светловой Арине Алексеевне объявить предупреждение. Лишить врача Светлову А. А. премиальной выплаты за текущий месяц. Главный врач Румянцев К. С.» Ру-мян-цев... (*нараспев*) Ру-мян-цев... Красиво. Фамилия красивая. Предок, наверное, всегда был румяным. Этаким низенький толстячок с вечно красными щеками. Да-а-а... Наш-то далёк от своего предка. Ой, как далёк. Во-первых, верзила. Во-вторых, худоват. Кстати, а он, случайно, не вегетарианец? А что? На капусте да на сырой картошке пуза не наешь. А может, ему жена не готовит, а в ресторане на нашу зарплату сильно не нажикуешь. Хотя,

кто его знает? Зарплата, она ведь вещь такая: у одних – пусто, а у других – густо. Ох, Румянчик ты наш, Румянчик... Ну, преми-ей ты меня не напугаешь. Когда мы видели эту премию?! Разве что на словах. Смешно. А что мне, плакать, что ли. Ещё вся жизнь впереди, ещё наплачусь.

(Звонит телефон. Арина, не вставая с дивана, тянется к трубке.)

Да... В какой палате?... А, Маргарита Дмитриевна!.. Да, знаю, знаю... Ничего страшного, она всегда ближе к вечеру уми-рать собирается, зато утром первая в проце-дурную на уколы... Давление померили?.. В норме?.. Хорошо... Ну, Наталья Иванов-на, не мне же вас учить. Вы же профессио-нал... Ну и что, что медсестра. Иной раз медсестра бывает лучше любого врача. По-говорите с ней, успокойте. Валерьянки ей накапайте, пусть выпьет. Я позже обязатель-но схожу, проверю. *(Кладёт трубку.)*

Ох, Маргарита Дмитриевна, Маргарита Дмитриевна... И выписывать уже надо, всё ведь хорошо, а она выписываться не хочет. Скучно ей дома одной. Дома её никто не ждёт.

На миру, говорит, и смерть красна.

Вот уж чего-чего, а этого нам не надо. Да и рано ей ещё. Ещё жить да жить. Ин-тересная особа. Ой, какая интересная особа. Следит, чтобы шприц при ней открывали, инфекции боится. Я, говорит, из-за вашей безалаберности раньше времени помирать не собираюсь. У меня куча дел незавершённых. Вот и получается: вечером умирать со-бирается, а утром про дела вспоминает.

(Снова читает листок.)

«За нарушение дисциплинарной эти-ки»... Видите, любезная наша Маргариточ-ка Дмитриевна, что мы с вами наделали. Нарушили дисциплинарную этику. Так что утром... *(Голосом шефа.)* «...утром пожа-луйте ко мне на беседу. Мы обсудим с вами сложившуюся ситуацию». «На ковёр», ста-ло быть, к Румянчику.

Да, выдался денёк. Надеюсь, хоть ночь будет спокойная. Больные у меня все

хорошие, режим соблюдают. Маргариточка вот наша успокоится, и всё отделение уснет. Хотя... в прошлое дежурство до двух ночи по коридору ходила. Туда-сюда, туда-сюда. Ходит и охает, а народ не спит. А она в па-лату не идёт. А народ не спит. А она охает и охает... А в палату не идёт. Не может она со своими соседками поладить. Что ни ска-жут, на всё обижается. Окно откроют – дует. Закроют – душно. Артистка. *(Арина встает с дивана, садится за стол, заводит будиль-ник.)* Только на полчаса. *(Арина кладёт голову на стол, она вот-вот заснёт.)*

Арина встает, снимает халат, вешает его на спинку стула. На ней красивое платье. Надевает туфли.

Проходит во второе пространство сцены.

Второе пространство сцены

Туалетный столик с зеркалом, на столике лежит сото-вый телефон, стоит будильник, перед столиком – пуфик.

Входит Арина. «Плюхается» на диван со стороны второго пространства сцены, устало протягивает ноги, скидывает туфли на каблуках.

Так... главное, не волноваться. Всё будет хорошо. Час перекура – и на амбразуру!

Ну что? Рискнём? *(Берёт телефон, наби-рает номер.)*

Алло!.. Дорогой, ты можешь меня выслу-шать спокойно?.. Ты сначала скажи: ты меня спокойно выслушать можешь?.. Я тебя не завожу, это ты сам заводишься... Только не перебивай. *(Кричит.)* Да ничего не случи-лось! Нет, ну случилось, но не со мной же... Ага, с машиной... Что ты орёшь? Я-то при чём? Этот козёл, он... Он, наверное, права купил... Я про его права сейчас говорю, не про мои... Хорошо, дорогой, я рассказываю спокойно. Значит так, я ехала, вдруг этот debil с купленными правами... Да если бы не купил, то так не ездил бы!.. Да не ору я! Он же не умеет машину водить... А что я? Я только задом ездить не умею... Чем, чем! За-дом!.. Я? Что я, я ехала... Куда, куда?! Прямо я ехала. Слушай, а может, у него вообще нет

прав... Да не разговаривала я по телефону! Я даже номер набрать не успела!.. Я даже губы не успела подкрасить, как он уже – всё, готово!.. Встал!.. Как баран!.. Ни с того ни с сего!.. А что я? Я в него... Нет, ты представляешь, он же мне же ещё и нахамил – дура, орёт, крашенная!.. Какая крашенная? Я же говорю, я даже губы накрасить не успела, Светка позвонила... Вот ты Светку только не трогай... Да при чём здесь Светка?.. Ты будешь орать или будешь меня слушать?.. Тебе что, этот кусок железа дороже меня?.. Знаешь что, да пошёл ты... *(Бросает трубку.)*

Фу... Вот и поговорили. *(Наливает в стакан воду, пьёт. Раздаётся звонок. Арина на него не реагирует. Снова звонок телефона.)*

Да... Кто? Эдита Пьеха!.. А зачем дурные вопросы задавать? Кто тебе ещё с моего телефона ответит?.. А что тогда спрашиваешь?.. Что делаю? Плачу. *(Всхлипывая.)* Что я ещё могу делать, если я для тебя... если для тебя эта машина... если ты... Всё! Я не могу сейчас разговаривать. Я тебе перезвоню, как только тут всё развалится. Пока. *(Быстро отключает телефон.)* Да... переживает, видать. Интересно. За меня или за машину? Конечно, за машину. Хоть бы валерьянки выпил, мало ли что. Нет, говорила мама поступать в мед, надо было послушаться. Сейчас бы хоть скорую помощь ему оказала, а то ведь его из-за этой машины когда-нибудь кондрашка хватит. А ещё лучше укол ему какой-нибудь в задницу. Хоть бы ненадолго её прижал. Бегает, поди, сейчас из угла в угол. Что там ему поставить-то можно? Да, была бы я медик... Уважаю я медиков. Ночами не спят, жизни чужие спасают. Интересно, а я бы смогла стать врачом? Не врачом с дипломом, а настоящим. Чтобы меня уважительно называли доктор. Наш доктор. И потом – белый халат. Это так трогательно. Святость какая-то, чистота. И никакого грима. Всё естественно. Наверное, смогла бы. Опять же, врачи спокойные, степенные люди, а я... Хотя, может, с годами и придёт эта степенность.

(Поёт на мотив романса):

Свою судьбу сама я нарисую...
И проживу всё так, как суждено.
Придётся вам терпеть меня такую,
Ведь я другой не стану всё равно.

Интересно, а валерьянка у него есть?

Странно, что это я про валерьянку? Словно доктор какой. Доктор... Доктор... Мамина белоснежная мечта. Мама всегда хотела, чтобы я стала доктором. Так, время идёт. Давай-ка, Аринушка, минут двадцать вздремни и на Эверест! *(Заводит будильник, сворачивается калачиком на диване.)*

Первое пространство сцены.

Арина проходит в зону первого пространства сцены. Надевает халат, садится за стол, кладёт голову на стол. Звонит будильник.

Уже? Быстро-то как. Маргарита Дмитриевна меня, поди, заждалась. Интересно, а как она засыпает, когда другие врачи дежурят? Надо поинтересоваться. Хотя другие, наверное, не отчебучивают такое, как я. Хотя что я такого сделала? Заработала выговор – всего лишь. Но ведь за дело. Для кого-то это нарушение дисциплинарной этики, а для меня... Да, даже не для меня, а для моих больных – это смехотерапия. Ну побыла я десять минут бабкой, зато мои старушки от души посмеялись. Маргариточка Дмитриевна сильно просила всё в деталях рассказать, не могла же я ей отказать. И ведь неплохо у меня получилось. Это я так думаю. А вот шеф мой думает иначе. Чем ещё, интересно, наша беседа закончится? Ну приду я к нему в кабинет, и что? Что скажу? А что? Так и скажу, как всё было: в прошлое дежурство захожу в палату, а там война. Старушки мои воздух не поделили: одной жарко, другой холодно. Потом одна собралась в туалет, и другой тоже приспичило. Разбирались, кто первый пойдёт. И смех и грех! И ведь ни одна не пошла! Надулись и пыхтят каждая на своей кровати, давление себе нагоняют.

Надо же было как-то обстановку разрядить. Говорю: «Если уж срочно, рядом мужской. Зашли бы туда. Поди, никто не выгнал бы». Обиделись. Особенно Маргариточка. «Что я, говорит, совсем совесть потеряла! Ещё только к мужикам по нужде не ходила!» Ну я им тогда про бабу Ньюру и рассказала. Привезли, говорю, как-то к нам вечером на скорой старушку. Бабуля несколько часов пластом пролежала, боли сильные головные были. К вечеру приспичило ей в туалет. Она по привычке голову полотенцем перетянула, чтоб боли утихли, и поковыляла по коридору. Лампочку-то на ночь только дежурную оставляют, слабенькую. Бабулька картинку путем не разглядела: где мальчики, где девочки, и оказалась в мужском туалете. А на соседнем унитазах мужичонка с урологическими проблемами восседал. Он только после наркоза отошёл. Сначала ничего не понял, а когда бабу-то увидел, подумал, что снова вернулась подруга-белочка. Мужик, не промолвив ни слова, тут же потерял сознание и упал на пол. Справив свою нужду, бабуся спокойно встала, не обращая внимания на лежащее на полу почти бездыханное тело, и пошарпала обратно в палату. Никто ж нашей страдалнице не доложил, что в больнице отдельные туалеты для женского и для мужского пола, а также и то, что мужские и женские палаты находятся рядом! Она ведь за всю свою жизнь первый раз в больницу попала. Поэтому не удивительно, что, возвращаясь на свое законное койко-место, бабу Ньюра снова ошиблась дверью и попала к мужикам.

На «бабкином», как ей казалось, законном месте забылся тяжёлым сном пожилой мужичонка, который пару лет не сгибался и не разгибался из-за тяжёлой формы остеохондроза. Видя, что «её» койка почему-то занята, бабуся с перекосившимся полотенцем на голове, привыкшая действовать, а не рассуждать, молча сдирает с захватчика одеяло... Мужик просыпается. Бабуля, не говоря ни слова, указывает ему плавным

взмахом руки – пошёл, мол, вон! Место моё, законное. Мужик, судя по всему, до конца не проснувшийся, посмотрев на бабушку измученную физиономию и поднятую вверх костлявую руку, ничего не поняв спросонья, закричал дурным голосом: «Мужики, смерть пришла!»

Первым среагировал молодой парнишка, которого замучила язва желудка. Считая, что с этим персонажем с косою ему встречаться ещё явно очень рано, в полной темноте махом прыгнул в дверь, которая оказалась створкой закрытого стеклянного шкафа. Шум, звон стекла, падающих пузырьков и костылей разбудили остальных обитателей мужской палаты. Кто-то спросонья заорал: «Пожар!».

И вот тут-то началось! Как говорится, народ повалил! Кто по стеночке, кто на костылях, кто на карачках, кто ползком... И все, как тараканы, устремились на тусклый свет лампочки в конце коридора.

Туда, где в самом дальнем углу за колченогим столом недвижимо сидела молоденькая медсестра, которой наконец-то удалось немного вздремнуть.

А бабуся тем временем тихонько улеглась на свое «законное» отвоёванное место, сказав про себя: «Даст Бог, ещё поживу», и спокойно заснула...

Ну ведь смешно же! А как я эту бабушку изображала, вообще супер! Вот и мои бабушки просто покатывались со смеху. Да так громко и заразительно, что их заразительный смех докатился до кабинета нашего Румянчика. Прибежал, руками машет. Понять ничего не может. Или не хочет. И что я ему в объяснительной напишу? Что придумала историю, чтобы бабушек своих повеселить? И зачем вообще что-то объяснять и писать, если он мне выговор уже влепил? Может, у него так принято. Ой, да напишу я ему эту объяснительную.

Вроде тихо в отделении, угомонились все. Если что, Наталья Ивановна бы пришла давно. *(Арина садится за стол и начинает писать объяснительную.)*

Второе пространство сцены

Арина (*без халата, в своём ярком платье*) проходит в зону второго пространства сцены. Сворачивается калачиком на диване. Звонит будильник. Восемь пропущенных! (*Набирает номер.*)

Алло! Серёженька, это я... В смысле весёлая? А что мне, плакать, что ли?... А-а-а, вон ты про что. Да не переживай ты так! Всё это фигня!.. Какая фигня?! Простая!.. Да цела твоя машина, что ей сделается... Говорила, и что?... Во-о-от! А ты вспомни, что ты мне вчера говорил? Вспомни, вспомни!.. Что артистка из меня никудышная... Конечно, играла. Видишь, а ты и не понял. О чём это говорит, Серёженька? Я – талант!.. Да! Да мне через (*смотрит на часы*)... короче, скоро уже на сцену. Если уж ты мне поверил, то зрители точно поверят. Кстати, твоё место забронировано. Как всегда, 4-й ряд, 13-е место. Надеюсь, сегодня оно не будет пустовать?.. Да цела, цела твоя ласточка!.. О Боже, и почему эти слова звучат для какого-то куска железа, а не для меня?.. Нет, не обижаюсь. Хотя... ты можешь искупить свою вину... Очень просто: букет роз самой прекрасной артистке. Всё, Серёженька, я ещё раз пробежусь.. Да не куда, а по тексту. Всё, всё, отключаюсь.

Свою судьбу сама я нарисую...
И проживу всё так, как суждено.
Придётся вам терпеть меня такую,
Ведь я другой не стану....
Ведь я другой не стану....
Ведь я другой не стану....
Ведь я другой не стану всё равно.

(*Арина берёт текст пьесы, пролистывает его. Потом идёт в центр авансцены. В одной руке у неё белый медицинский халат, в другой – текст пьесы.*)

Картина 2

И так каждый день. И уже много дней. Даже месяцев. Каждый день я примеряю на

себя белый врачебный халат и это артистическое платье. Я придумываю разные ситуации. Вот как с несуществующим Серёженькой, любящим автомобили больше своей любимой женщины. Или с пухленьким главврачом Румянцевым, для которого главное – дисциплина на рабочем месте. Я их придумываю и всегда нахожу выход. Почему же я сейчас не могу найти выход? Врач или артистка? Артистка или врач? Я стою перед выбором. Перед непростым выбором. Почему? Да потому что я точно знаю, что во мне живёт артистка. Я вижу себя только на сцене! (*Импровизируя, применяет всю палитру перевоплощения.*) Вот я смелая, бесшабашная; а теперь я странная. Смотрите – весёлая! И это опять я! Стоп! А здесь я грустная. Снова я – молодая, задорная! В возрасте... Это всё я! Понимаете? Я! Я с детства мечтала только о сцене. (*Прикладывает палец к губам.*) Т-с-с! Слышите? Такая тишина бывает за несколько минут до спектакля. Потом аплодисменты. Ну, давайте же! Аплодисменты! Громче! Ещё громче! Поднимается занавес. А сейчас – тишина. Я стою на сцене, горят софиты. На меня смотрят сотни глаз.

Я так мечтаю когда-нибудь сыграть Офелию. Только чтобы она непременно была в белоснежном платье. Именно в белоснежном. Это моя белоснежная мечта. Совсем как у мамы – тоже белоснежная, только совсем другая.

Я замечаю, как зритель в третьем ряду мне улыбается. Да-да, это Вы! Что Вы так засмутились? Улыбайтесь, улыбайтесь! У Вас такая красивая улыбка! У женщины в шестом ряду цветы. И в первом, и в третьем тоже! Так приятно, когда артистам дарят цветы. Они потом долго стоят в гримёрке... Сцена и я! Такая большая сцена, и такая маленькая я. И эта большая сцена мне покоряется. Мне, молодой артистке Арине Светловой.

Может, когда-нибудь, я так же, как Фаина Раневская, скажу, что профессию я не

выбирала, она таилась во мне. Слышите? Это снова звучат аплодисменты... такие, что сотрясается воздух. Режиссёр всем артистам говорит «спасибо».

Пауза.

«Спасибо. Спасибо Вам, доктор!»

Что?.. Ах, да... Не стоит меня благодарить, это моя работа. Да-да, это моя работа... (Пауза.) Я долго к этому шла. Мне всегда нравилась эта профессия. Я стала врачом, хорошим врачом. Меня уважают коллеги, меня любят больные. Но где-то в глубине души этого врача живёт артистка. Я вхожу в палату, на меня смотрят несколько десятков глаз. Грустных глаз. Я должна им помочь. И я делаю всё, что в моих силах. Но... мне так хочется их развеселить! Мне это так просто сделать! Я знаю наизусть сотни актерских монологов. И я начинаю их читать. Вслух. Громко. И эти глаза... Они уже другие. В них появляются искорки... Искорки надежды... Родные мои, конечно же, я помогу вам!

...Я стою перед выбором. Перед очень сложным выбором. К кому мне обратиться за помощью? Я так хочу, чтобы меня услышала моя мама. Моя добрая, милая, любимая мама. Именно услышала.

Мамочка, родная моя, ты всегда мне говорила, что я была очень послушной девочкой. Я и сейчас такая. Я тебя очень люблю и ценю. Ценю твои советы, пожелания. Я знаю твою заветную мечту. Ты очень хочешь, чтобы я стала врачом. Чтобы я ходила в белоснежном халате. Чтобы я помогала людям, отдавая им частичку своей души. Ты мне рассказывала, как в детстве я играла в доктора. Усаживала в ряд кукол, делала им уколы, уговаривала, вытирала несуществующие слёзки, ставила им под мышку карандаш вместо градусника... Мама, я вот сейчас думаю, а может, уже тогда во мне жила маленькая артистка, которая исполняла роль детского доктора?

Пойми же меня, мамочка, я не бездушный человек! Нет! Я никогда не пройду мимо, я всегда помогу. Поверь, у меня на пути не раз встретится такая вот Маргариточка, которая будет нуждаться в моей заботе. И я никогда не оставлю её в беде, ты же это знаешь, мама! Но... но для этого ведь совсем не обязательно становиться доктором. Как мне это объяснить тебе, самому дорогому для меня человеку?

Да, в моей жизни будут неудачи, падения и взлёты... Но я хочу, чтобы ты поняла, что однажды в сердце твоей любимой девочки родилась особенная мечта. Мечта светлая, лёгкая, белоснежная. Белоснежная, как этот медицинский халат или как необыкновенной белизны платье Офелии... И скоро настанет тот день, когда я с замиранием сердца переступлю порог... Господи! Да что же это такое! Должна же я когда-нибудь определиться!

Как мне это объяснить кому-то, если я сама себе не могу до конца это объяснить?

Осталось совсем чуть-чуть. Впереди экзамены. Я стою перед выбором... Артистка или врач? Врач или артистка?

Странно, я стою перед выбором, а представляю, что стою на краю пропасти. Не-е-ет! Я не собираюсь прыгать вниз с этой огромной скалы! Я жду... Вот сейчас у меня вырастут крылья... И я полечу-у-у! Я полечу навстречу белоснежной мечте. Моей белоснежной мечте. Или...

Ты же мне в этом поможешь, мама?!

Поёт. *(Во всех трёх случаях мотив один и тот же, но исполняется актрисой с разной интонацией.)*

Свою судьбу сама я нарисую...
И проживу всё так, как суждено.
И проживу всё так...
И проживу всё так...
И проживу всё так, как суждено.

Занавес.